

Внешний мир без доказательства

Статья Александра Мишуры

Иллюстрации Ксении Грибинюк и Ксении Сайфулиной

Доказательство существования внешнего мира. Чтобы его дать, следует сперва разобраться не с тем, что значит «внешний мир», а с тем, что значит «доказательство» во фразе «доказательство существования внешнего мира»: не «строгое» доказательство, не «истинное» доказательство, а «доказательство» вообще. Соответствующий вопрос Джордж Эдвард Мур «проскочил»¹, как будто его и не было вовсе. Между тем, мне кажется, что в «доказательстве существования внешнего мира» самая существенная проблема касается именно понимания возможного «доказательства».

Перепрыгнув сразу к «внешнему миру», Мур написал, пожалуй, одну из самых разочаровывающих работ в истории философии. Основную задачу историков философии, исследующих этот текст, мне кажется, можно сформу-

лировать следующим образом: показать, в чем состоит доказательство. Насколько мне известно, все предложенные интерпретации столь тривиальны, что едва ли стоило писать такой длинный и местами занудный текст. Действительно, большого ли ума стоит повернуть *modus ponens* в *modus tollens*, даже если пафосно озаглавить это предприятие неким «shift»-ом? Один из самых знаменитых текстов в истории аналитической философии, какую интерпретацию ни возьми, оказывается столь же плоским и блеклым, каким он представляется и при первом прочтении самому не искушенному читателю. Посему лучше уж не пытаться выудить из Мура какую-то мудрость, а вернуться к самой проблеме.

Структура доказательства. В доказательстве существования внешнего мира, как и в любом доказательстве, должна быть часть доказывающая и то, что требуется доказать. При этом, если в доказательстве есть какой-то толк, доказывающая часть не должна в качестве посылок принимать то, что требуется доказать. Рассмотрим, как

1. Надо отметить, что Мур все же нашел возможность повторить некоторые «школьные» истины относительно доказательств, однако, как я постараюсь показать в этой работе, такого рода повторение совершенно не удовлетворительно в случае с доказательством существования внешнего мира.

могло бы выглядеть доказательство существования внешнего мира.

1. Оно несомненно включало бы некоторые посылки — с чего-то же надо начать. Кроме того, оно имело бы доказанным то, что требуется доказать, т.е. существование внешнего мира.
2. Заключение — существование внешнего мира.
3. Доказательство должно было бы осуществляться согласно некоторому правилу перехода от посылок к заключению, которое обосновывало законность такого перехода.

Также доказательство могло бы включать множество поддоказательств, в которых были бы получены положения, из которых совершался бы, наконец, желаемый переход к заключению. Так или иначе, необходимо иметь некоторый набор *положений*, из которых можно перейти к *выводу* согласно некоторому *правилу*. И правило, и посылки для нас пока остаются загадкой.

Заключение доказательства. Однако тот факт, что мы знаем искомое заключение, знаем, что надо доказать — существование внешнего мира — чрезвычайно полезен. Легко можно недооценить это знание, начав, вслед за Муром, выяснять, что же такое этот внешний мир, насколько законно о нем говорить, что к нему относится, что к нему не относится и т.д. Между тем, это вообще не существенно. Скорее, здесь происходит подмена вопроса: вместо того, чтобы рассматривать доказательство существования внешнего мира, мы начинаем копаться в самой дихотомии внутреннего и внешнего, размышлять о ее законности или незаконности (я, например, склоняюсь к незаконности), выяснять детальные особенности того, о чем вообще пока нет оснований говорить. Между тем, формулировка «внешний мир» сама по себе более чем достаточна для анализа возможностей доказательства «существования внешнего мира». Она не нуждается в том, чтобы дополняться ее разговорами о галлюцинациях, остаточных образах, и «встречаемом в пространстве» — это все совершенно не относящаяся к внешнему миру контрабанда, уводящая в сторону. Нам нужно доказать, что существует «внешний мир». В заключении «доказательства» существования внешнего мира есть только существование внешнего мира.

Посылки доказательства. Очевидно, что в наши посылки не может входить существование внешнего мира,

т.к. это лишило бы доказательство всякого смысла. Между тем, этот факт является ключевым в понимании проблемы создания соответствующего доказательства. Если мы знаем, что в наших посылках не должно содержаться существование внешнего мира, надо понять, чем же будут тогда наши посылки и «где» они будут? Если они точно не будут «миром внешним», то будут объектами мира «внутреннего». Можно назвать этот «внутренний мир» чем-то другим, но не «внешним миром», иначе в посылках будет помещено заключение. Далее я буду говорить о «внутреннем мире» только в смысле его теоретической роли в любом возможном «доказательстве существовании внешнего мира».

Можно было бы продолжать называть посылки объектами «внутреннего мира», стараясь оставаться видимо нейтральным. Однако нейтральность слова «объект» сильно преувеличена. Я буду называть наши посылки представлениями. В принципе, можно было бы назвать их другими словами, но мне кажется, «представление» хорошо подо-

дит к «внутреннему миру». В моем внутреннем мире есть разнообразные представления. Это может быть представление о моей руке, представление « $2+2=4$ », представление предложения «Меня зовут Саша» и т.д. В общем, все, что у меня есть в посылках, это представления, мир внутренний.

Правило перехода. В «доказательстве существования внешнего мира» доказать требуется совсем не представление. И в этом вся трудность доказательства. Доказать надо не положение, не предложение, доказать надо *существование* внешнего мира. Существование внешнего мира не равно представлениям, какими бы они ни были, о внешнем мире. Поэтому поиск Мура в первой части работы совершенно не имеет смысла относительно собственно «доказательства существования внешнего мира». Не надо составлять более точное понятие о внешнем мире. Всякое понятие будет относиться к миру представлений и нисколько не приблизит нас к этому «внешнему миру». Что могло бы нас заботить в этой структуре связи посылок и заключения, так это правило. Правило, по которому можно было бы вообще от каких-либо представлений перейти к существованию.

Обычно наши доказательства имеют дело с посылками и доказательствами одной «природы». Так, ни один математик, даже самый гениальный, не сможет «математически» доказать, что конкретно меня зовут «Александр», т.к. последнее просто не сопряжено ни с какими правилами математики. В доказательстве внешнего мира нам надо каким-то таинственным образом связать внутренний мир с внешним миром. В посылках могут быть только представления, в заключении должно было существование «внешнего мира». Причем не представление о существовании, доказано должно быть само существование внешнего мира.

Невозможность правила. Обычные правила доказательства, типа *modus ponens*, черпают свою убедительность из того, что многие примеры их применения представляются нам необходимо истинными. Можно тематизировать основания этой убедительности различным путем, однако любое формальное правило связи представлений в конечном счете либо имеет эту интуитивную убедительность, либо нет. Но в доказательстве существования внешнего мира нам надо связать такие посылки и заключение, примеров связи которых у нас нет. Если существование

внешнего мира является не представлением — а оно им не является, иначе мы бы доказывали не существование внешнего мира, а некое представление о его существовании — правила связи представлений не являются убедительными способами доказательства, какой бы ни была основа их убедительности в мире представлений. *Modus ponens* здесь ничем не лучше «подтверждения консеквента».

Доказать существование «внешнего мира» по правилам невозможно, так как:

1. Если мы хотим доказать существование внешнего мира с помощью правила, нам надо показать, почему какое-то правило работает в случаях доказательства существования мира.
2. Это требует хотя бы одного убедительного примера доказательства существования внешнего мира.
3. У нас нет доказательства существования внешнего мира (хотя есть много доказательств относительно мира представлений).

Таким образом, если доказательство существования внешнего мира еще не было предоставлено, у нас не может быть никакой обоснованной формы для связи посылок и заключения.

«Противоречия». Если мы не можем обоснованно перейти от посылок к заключению по некоторому правилу, это все же не значит, что мы совсем бессильны. В конце концов, мы уже знаем, что надо доказать и что может входить в доказательство. Если мы скажем, что из посылок следует заключение только в том случае, если не может иметь место такое положение дел, при котором все посылки истинны, а заключение ложно, у нас остается возможность одного «трюка». Можно обнаружить в рамках представлений противоречие, и сказать, что из противоречия следует что угодно. Таким образом, посылки не смогут быть одновременно истинными. К примеру, есть представление, что внешний мир существует, и также есть представление, что внешний мир не существует, оба этих представления одновременно истинными быть не могут. Делаем из них первые две посылки — и теперь «можно» указать заключением все, что только душа пожелает. Однако едва ли такое доказательство будет не то что убедительным, а даже сколько-то поясняющим смысл проблемы. В конце концов, идея о том, что из противоречия следует что угодно, вполне вписывается в мир представлений, где можно найти и другое представление: из противоречий не следует вообще ничего.

Можно ли, однако, сказать, что и само требование непротиворечивости является лишь представлением? Возможно. Однако если мы всерьез принимаем представление о доказательстве, нам все же следует быть более осторожными и не спешить отбрасывать принцип непротиворечия без серьезных оснований. Как было показано выше, некоторые формы доказательства в случае с внешним миром не срабатывают. К примеру, не срабатывают доказательства по каким-то «зареккомендовавшим» себя в мире представлений правилам. Можно ли доказывать что-то, не используя правила, и насколько такое доказательство является предметом интереса в «доказательстве существования внешнего мира»? Я полагаю, что только такие доказательства и могут представлять интерес, поскольку живо озабоченное проблемой существования внешнего мира существо никак не удовлетворится указанием на какие-то представления.

Есть ли у нас что-либо еще в интеллектуальном арсенале относительно доказательства, что можно использовать для небольшого шага в понимании «доказательства существования внешнего мира». Я думаю, никто не будет запрещать делать в рамках доказательства допущения. Конечно, если мы связываем представления, нельзя из допущения истинности заключения делать вывод о его истинности. Нельзя делать этого и в случае с «доказательством существования внешнего мира».

Есть, однако, вполне достойная форма применения допущения — доказательство от противного. Можно допустить нечто противоположное заключению и указать на его противоречие посылкам. Допустим, нас интересует доказательство не-существования внешнего мира. Давайте докажем, что внешнего мира не существует. И докажем от противного. Предположим, что внешний мир существует. Единственный путь доказать от противного — найти противоречие. Можем ли мы найти какое-то противоречие в допущении существования внешнего мира? Как бы могло выглядеть это противоречие? Нам надо было бы показать, что либо нечто из мира представлений, либо нечто, относящееся к самому существованию внешнего мира, приводит к противоречию. Может ли нечто из мира представлений противоречить существованию внешнего мира? Нет. Представление о не-существовании внешнего мира противоречит представлению о существовании внешнего мира. Если бы нам повезло иметь хоть какое-то противоречие между миром представлений и существованием внешнего мира, в таком случае с «доказательством» дело было бы гораздо проще.

Дело же, однако, в том, что представления не могут

противоречить существованию, но только другим представлениям. Противоречие в представлениях имеют место между представлением и его отрицанием, противоположностью этого представления. Действительно, если бы мое представление о том, что передо мной стоит стул противоречило бы его существованию или, напротив, мое представление о том, что стула не стоит, противоречило бы его существованию, вопрос о доказательстве существования внешнего мира и не возник бы. Между тем, у нас есть противоречивые представления о существовании внешнего мира, и выяснить, какое из них истинно, можно, только доказав существование внешнего мира или его не существование. Может ли что-то относительно существования внешнего мира противоречить существованию внешнего мира? Я не могу себе ничего такого представить.

Мне представляется, что тем самым был сделан некоторый шаг в понимании возможности доказательства: посылки, поскольку они относятся к миру представлений, не могут противоречить заключению, поскольку оно относится к существованию. Хотя это явно еще не доказательство, оно ведет нас к еще одному небольшому выводу: доказать в рамках мира представлений, что мир внешний не существует невозможно. Почему? — Если доказательство в рамках мира представлений возможно только в связи с отношением противоречия, доказательство не-существования внешнего мира должно было бы состоять в том, что некоторый набор истинных посылок относительно внутреннего мира противоречит существованию внешнего мира. Однако нам не удастся найти такой набор посылок постольку, поскольку представления внутреннего мира существованию внешнего не противоречат. Между тем, этот результат можно развернуть и в другую сторону: никакие посылки внутреннего мира не смогут сделать не-существование внешнего мира противоречим.

Итак, подведем небольшие, очень предварительные итоги относительно возможности «доказательства» существования внешнего мира: 1) посылки не могут противоречить заключению, 2) из посылок нельзя доказать обратное заключению путем установления противоречия, 3) из посылок нельзя доказать заключение путем демонстрации противоречия между посылками и отрицанием заключения. Таким образом, доказательство через использование понятия противоречия также не сможет нам помочь.

Доказать на деле. Я могу доказать человеку, что умею прыгать, прыгнув. Увидев мой прыжок, оппонент может принять его как доказательство того, что я умею прыгать.

Почему, однако? Явно не постольку, поскольку я дал ему какое-то представление — он в принципе мог представить, что я прыгаю, и без прыжка. Может, ему важно было увидеть прыжок? Не уверен: в конце концов он бы не удовлетворился и сколь угодно совершенным «монтажом», к примеру, видео, на котором я якобы прыгаю, если бы знал, что это только представление, а на деле я не прыгнул. В доказательстве того, что я умею прыгать, оппоненту важно именно то, что я прыгнул, а не то, что ему было представлено, что я прыгнул. Можно ли каким-то образом использовать эту форму доказательства в случае с доказательством внешнего мира? Как-то так прыгнуть, чтобы внешний мир стал доказан любому скептику? — Едва ли. Даже вполне материальное прикосновение к скептику или вообще какое-либо чувственно достоверное доказательство не поможет делу.

Любое перформативное доказательство для скептика по своей форме будет носить характер демонстрации, представления. И здесь мы можем сделать еще небольшой шаг: доказательство существования внешнего мира не имеет характера демонстрации, т.е. оно не может быть представлено. Действительно, нам ведь и требуется доказать не представление о существовании внешнего мира, их у нас в избытке, а его существование: никакое представление доказательства внешнего мира не достигнет своей цели. Конечно, можно начать ловить скептика на противоречии в его представлениях, на изменчивости его позиции и даже на ее аморальности, однако все это не сработает, он просто запишет нас в представления. Можно даже поупражняться относительно точки отсчета, связи представлений во времени, однако все это никого не убедит, поскольку нам требуется онтологический прыжок, а не логический, тем более не психологический. Скептик всегда может занять удобную позицию принятия любых противоречий и представлений всех вместе и сразу.

Что делать? Может быть, теперь можно наконец поставить точку и закрыть вопрос? Нет, дорогой скептик. Я, как твое скромное представление, готов утверждать: если доказательство внешнего мира нельзя представить, это не значит, что его нельзя совершить. Конечно, скромное представление ничего не сможет тебе доказать. Однако если ты возьмешь дело на себя, если ты хочешь доказать себе самому существование внешнего мира, быть может, не все потеряно. Как же можно доказать самому себе существование внешнего мира?

Стоит обратиться к миру представлений. Допустим, я

представляю, что внешнего мира не существует, существует только мир представлений. Ключевой вопрос в таком случае: действительно ли я представляю себе не-существование внешнего мира? Между тем, представление о том, что внешний мир не существует, может быть *выполнено* правильно, может быть представлением о том, что внешнего мира не существует только в одном случае: если действительно представить, что внешний мир не существует. Действительно представить, в самом перформативном смысле, что внешнего мира не существует, можно только в одном случае — если он существует. Иначе говоря, «хороший», *успешный* скептик зависит от существования внешнего мира. Если «внешнего мира» не существует, то представление скептика о не-существовании внешнего мира оказывается провальным, т.к. он представляет несуществование только своего представления. Однако в таком случае скептик не может хоть сколько-то осмысленно утверждать, что внешнего мира не существует, поскольку в мире представлений нет никакой возможности сделать это представление не просто имеющим смысл, а имеющим именно *тот* смысл, на который претендует скептик.

Обращаю внимание, что представленное выше не является ни доказательством через правило, ни доказательством через противоречие, ни доказательством перформативным, ни доказательством от психологии восприятия пространства и времени. Являются ли выше представленные размышления вообще доказательством существования внешнего мира? Надеюсь, мне удалось показать, что нет.